

Словесный портрет

После того как был разыскан скрывавшийся Кюн, перед следствием оставалась последняя задача: обнаружить также скрывавшегося Христофора Янаки – крупного нэпмана, Этот проходимец, перед тем как скрыться из Ленинграда, предусмотрительно уничтожил все свои фотографии, и это, естественно, усложняло его розыск.

Со слов Кюна я знал, что Янаки находится, или во всяком случае находился, в Москве, но скрывается там под чужой фамилией. Однако, под какой именно фамилией скрывается Янаки, Кюн не знал.

Все мои попытки выяснить этот вопрос успехом не увенчались. Между тем по делу было установлено, что Янаки был одним из крупных взяточдателей и нажил нечистыми путями большие средства.

Поэтому я был очень обрадован, когда неожиданно получил данные о том, что Янаки время от времени появляется в одной из дачных местностей под Ленинградом.

Обдумывая, как дальше организовать его розыск, я решил прибегнуть к так называемому «словесному портрету». Система словесного портрета была впервые разработана в 1885 году директором Института идентификации парижской полицейской префектуры, известным французским криминалистом Альфонсом Бертильоном. В дальнейшем эта система была доработана швейцарским криминалистом Рейсом, к которому, между прочим, в 1912 году царское министерство юстиции направило на стажировку группу русских судебных следователей и криминалистов.

Под понятием «словесный портрет» криминалисты имеют в виду точное описание внешности человека (тела, головы, лица) при помощи специальной терминологии. Конечно, каждый человек, пытаясь описать внешность человека, о котором идет речь, делает это путем словесного описания его портрета. Но термины из обыденной разговорной речи, которые при этом будут им применяться, вовсе не дадут точного и четкого представления о внешности человека, словесный портрет которого надо получить. Между тем для розыска преступника очень важно точное описание его наружности.

В словесном портрете профиль человеческого лица подразделяется на три части – лобную, от линии волос до переносицы, носовую – от переносицы до основания носа, и ротовую – от основания носа до конца подбородка.

Следователь, объявляя розыск или прибегая к опознанию преступника или трупа при помощи словесного портрета, должен точно пользоваться терминами, употребляемыми для этой цели. Каждый криминалист постепенно вырабатывает в себе и развивает способность отличать и запоминать в человеке элементы словесного портрета.

Для того чтобы разработать словесный портрет Янаки, мне пришлось подробно допросить целую группу свидетелей, у которых я выяснял все его мельчайшие приметы. В результате, затратив немало труда, я разработал его словесный портрет, из которого явствовало, что Янаки имеет средний рост, с полным телосложением, овальным лицом, низким и скошенным лбом, дугообразными сросшимися рыжеватыми бровями, длинным, с горбинкой, носом, с опущенным основанием, средним ртом с толстыми губами, отвисшей нижней губой и опущенными углами рта, что у него тупой раздвоенный подбородок, большие, слегка оттопыренные уши треугольной формы, чуть запущие зеленоватые глаза и рыжие волосы.

Я так старательно разработал словесный портрет Янаки, что ясно представлял себе его внешность, хотя никогда еще лично мне не приходилось его видеть. Именно этот словесный портрет я и разослал в установленном порядке, рассчитывая, что в результате неуловимый Янаки будет в конце концов пойман. В субботу я поехал в Сестрорецк, рассчитывая провести там и воскресный день. В те годы по воскресеньям в Сестрорецк обычно приезжало много публики, и великолепный сестрорецкий пляж в теплые летние дни был сплошь усеян купальщиками.

На следующий день в самом разгаре купанья, лежа на пляже рядом с товарищами по работе – следователем Рагинским и инспектором ЛУРа Бодуновым, я обратил внимание на двух молодых людей, которые медленно шли по пляжу, внимательно разглядывая отдыхающих и, видимо, кого-

то разыскивая. Бодунов, очень талантливый криминалист и наблюдательный человек, тоже обратил на них внимание и сказал:

– По-моему, это ребята из транспортного отдела, и они кого-то ищут...

Через три минуты они подошли к нам, и один из них сказал:

– Товарищ Шейнин, мы приехали за вами. В отделении Детскосельского вокзала задержали по словесному портрету Янаки. Начальник просил вас приехать. У вас дома сказали, что вы в Сестрорецке, и мы приехали сюда...

Я страшно обрадовался, быстро оделся и помчался в Ленинград. На Детскосельском вокзале меня действительно поджидал начальник отделения, который с довольным видом заявил:

– Ну и дали вы нам жару!.. А хитрая штука этот словесный портрет, я впервые с ним столкнулся... И мои ребята тоже о нем раньше не слыхали... Ну я, конечно, с утра собрал своих орлов, прочел им ваш словесный портрет, и начали искать этого рыжего...

– А где же Янаки? – нетерпеливо спросил я.

– Да их там уже больше десятка, – весело ответил начальник и повел меня в дежурную комнату.

– Уж один из них, как факт, – Янаки, а остальные, наверно, все его братья...

Я похолодел. Начальник отделения Детскосельского вокзала, увы, действовал явно вопреки Бертильону и Рейсу.

– Поймите, – воскликнул я, запинаясь от волнения, – поймите, что по словесному портрету может быть задержан только один человек, и человеком этим должен быть только Янаки...

– Не спорю, – весело ответил жизнерадостный начальник отделения, – один из них и есть Янаки. А остальные в обиде не будут: мы их всех очень вежливо задержали, и они не в камере, а в дежурной комнате. Кто чай пьет, кто в шашки играет, кто журнальчик читает... У нас культура...

Махнув на него рукой, я опрометью бросился в дежурную комнату. Она полыхала полымем от скопления темно-рыжих, светло-рыжих, огненно-рыжих мужчин, которые в испуге метались по комнате, не понимая, что с ними стряслось. Их страх возрастал с появлением каждого нового рыжего, которого доставляли «орлы» Детскосельского отделения. Помощник начальника отделения – молодой человек в роговых очках – по-видимому, очень заинтересовавшийся «словесным портретом», действительно вежливо встречал каждого нового рыжего, но тут же, на глазах остальных, начинал внимательно измерять и разглядывать его уши, нос, линии рта и другие элементы словесного портрета, делая при этом какие-то загадочные отметки в записной книжке и что-то про себя бормоча.

Все это приобретало в глазах рыжих почти мистический характер, тем более что помощник начальника в ответ на их вопросы туманно отвечал, что «тут все дело в словесном портрете Бертильона и Рейса, скоро приедет старший следователь и разберется, а до его приезда просил бы обождать».

Никто из рыжих никогда не слышал ни о Бертильоне, ни о Рейсе, ни о словесном портрете. Никто из них не пил чай, не играл в шашки и не читал журнал. Самый пожилой из задержанных – мясник с Сенного рынка, – больше всего на свете боявшийся фининспекторов и налогов, как потом выяснилось, шепотом сказал другим:

– Все ясно – введен специальный налог на рыжих... И всем нам крышка!

– При чем тут налог, идиот? – возразил ему другой рыжий. – Нам же ясно сказали, что ждут следователя, да еще не простого, а старшего... Кроме того, этот очкастый всем измеряет носы и уши... Или вы думаете, что на разные носы будут разные налоги?

– Вы оба дети, – заскрипел третий, в прошлом биржевой маклер, – скорее всего готовится кинопостановка, и нужны рыжие персонажи... А уши и носы они измеряют для проверки кондиции...

Судя по всему, я появился в разгар спора. Рыжие окружили меня толпой и внимательно выслушали мои извинения. Я объяснил, считая это своим долгом, что произошло большое недоразумение, что мы разыскиваем одного скрывшегося преступника, тоже рыжего, но сотрудники Детскосельского отделения, к сожалению, перестарались. Проверив задержанных и установив по документам и по словесному портрету, что Янаки среди них нет, я снова извинился и сказал рыжим, что они свободны. Они врассыпную бросились на перрон вокзала, который сразу стал напоминать знаменитую картину Левитана «Золотая осень». И только один из них задержался, сделал мне таинственный знак и, отойдя со мной в сторону, тихо сказал:

– Тут трое рыжих дураков придумывали разные небылицы, но я внимательно следил за тем, какие носы и уши интересуют этого помощника начальника отделения. И даю голову на отсечение, что именно такой нос и такие уши носит Янаки... Я его знаю. Но в Ленинграде Янаки теперь нет. Говорят, он в Москве. Между прочим, он очень любит оперетту. Вот все, чем я, как рыжий, считаю себя обязанным вам помочь. Будьте здоровы, товарищ старший следователь!..

И он удалился с видом человека, выполнившего свой гражданский долг.

Оставшись наедине с начальником отделения, я откровенно высказал ему все, что думаю о нем и о его «орлах». Смущенный начальник извинялся и что-то лепетал насчет того, что с завтрашнего дня начнет изучать криминалистику и займется «освоением словесного портрета». И действительно, через месяц он пришел ко мне и доложил наизусть историю словесного портрета, его терминологию, схему и методологию разработки. Он цитировал Бертильона и Рейса, Вейнгартта и Якимова, а в заключение сказал:

– Теперь стоит мне закрыть глаза, как я ясно вижу лицо этого проклятого Янаки, из-за которого так опозорился... Я уж не говорю о том, что огреб за этих рыжих строгий выговор от начальства. А Бертильон – что ни говори – башка!.. Здорово придумал этот словесный портрет!..

А на следующий день, после того как начальник отделения Детскосельского вокзала продемонстрировал свои успехи в освоении криминалистики, в областной суд на мое имя поступило письмо от самого... Янаки. Вот что он писал:

«Уважаемый старший следователь Шейнин!

Оказывается, вы жаждете меня видеть. Я не могу сказать это про себя, а любовь счастлива только тогда, когда она взаимна. Я очень смеялся, когда мне сказали, как вы меня ищете по какому-то дурацкому словесному портрету, придуманному каким-то профессором Рейсом. Наплевал я и на этого профессора и на его словесный портрет. Адью!..

Янаки».

Я разозлился не на шутку. Мало того, что жулик-нэпман скрывается от следствия и суда, но он еще при этом издевается над криминалистикой!..

Показав областному прокурору этот любопытный документ и обратив его внимание на то, что письмо отправлено из Москвы, я поставил вопрос о своем выезде в Москву. Я еще сам не знал, что буду предпринимать для розысков Янаки, но заранее рассчитывал на помощь своих старых друзей из МУРа. Областной прокурор, которого тоже разозлило это письмо, разрешил мне выехать.

Через день я уже сидел в МУРе в кабинете Осипова и рассказывал ему, Тильнеру, Ножницкому и другим работникам обо всем, что произошло со словесным портретом Янаки. Потом я показал им его письмо. Осипов побагровел от возмущения.

– Ребята, – сказал он, обращаясь к своим помощникам, – неужели мы позволим, чтоб какой-то паршивый нэпман, взяточник и спекулянт, насмеялся над криминалистикой и правосудием? Что будем делать, ребята?

– Как что делать? – спросил неизменно спокойный, корректный и уверенный Тильнер. – Есть словесный его портрет – во-первых. Есть данные, что Янаки, как, впрочем, и все нэпманы, любит оперетку. Значит, надо пошуровать в «Аквариуме» и «Эрмитаже» – во-вторых. Наконец, Янаки – торговец мебелью. Значит, у него не может не быть приятелей среди московских мебельщиков. Надо поработать и здесь – в-третьих. Поскольку это дело приобретает уже принципиальный характер, я думаю, что наша группа, Николай Филиппович, независимо от общего розыска Янаки, должна принять участие в этом благородном деле – в-четвертых...

– Я такого же мнения, – как всегда тихо сказал Ножницкий, очень тактичный и добрый человек, страстный собачник и любитель книг. – Придется по вечерам бывать в оперетте... Будем по очереди... слушать «Сильву» и «Летучую мышь», ничего не поделаешь...

– Заметано, – коротко заключил Осипов и встал, давая этим понять, что совещание закончено. – Николай Леонтьевич, что сегодня в «Аквариуме»?

Ножницкий взял газету и, посмотрев объявления, сказал, что сегодня идет «Сильва» с участием Татьяны Бах, Бравина и Ярона.

В тот же вечер я и Осипов были в летнем саду «Аквариум», где шла «Сильва». Мы сидели в третьем ряду с правой стороны. Несколькими рядами позади сидели работники Осипова: Яша

Саксаганский – худощавый молодой грузин с черными усиками, считавшийся одним из лучших специалистов по словесному портрету, и Вани Безруков – всегда улыбающийся, веселый, с лукавыми серыми глазами, которые, как говорили в МУРе, хорошо видели не только то, что находится впереди него, но и то, что находится сзади.

Уже в первом антракте, когда мы с Осиповым медленно прохаживались среди тощих лип «Аквариума», к нам подошел Саксаганский и сказал:

– Значит, картина такая: сегодня «Сильву» смотрят двенадцать рыжих. У двух подходят уши, но не годятся носы. У трех как раз те носы, какие нам нужны, но совсем не те уши. С отвислой губой обстоит совсем плохо – отвисает губа только у одного рыжего, но и то не так, чтобы очень... Тем более что я «срисовывал» его в тот момент, когда он держал в зубах трубку, а при этом почти у всех губа отвисает...

Услыхав это сообщение, я вздрогнул и мгновенно вспомнил дежурную комнату Детскосельского вокзала. Но я напрасно волновался, потому что имел дело с Осиповым, что и не замедлило сказаться.

– Яша, – перебил Саксаганского Николай Филиппович, – ваш доклад напоминает мне невесту из «Женитьбы» Гоголя. Эта дура тоже мечтала о том, чтобы нос одного жениха соединить с губами другого. Меня не интересует произведенная вами инвентаризация носов, товарищ Саксаганский. Меня занимает только один нос, и то при условии, что он принадлежит именно Христофору Янаки. Я спрашиваю: этот нос сегодня в наличии или нет?

– Николай Филиппович, – ответил Саксаганский. – Ко второму антракту я внесу ясность в этот наболевший вопрос.

– Проверьте второй ряд слева, – сказал Осипов. – Мы сидим далеко оттуда, но мне показалось, что там есть одна фигура, которая... Одним словом, поинтересуйтесь, между прочим, и вторым рядом, Яша.

Нужно ли говорить о том, что во втором действии я не столько смотрел на сцену, сколько на левую сторону второго ряда, где действительно между отполированной, как бильярдный шар, лысиной – с одной стороны, и пышной затейливой дамской прической – с другой, и впрямь пламенела чья-то огненно-рыжая голова. Из-за дальности расстояния я не мог хорошо разглядеть уши, нос и рот этого человека. Но зато я видел, как исполнительный Яша Саксаганский дважды прошелся мимо второго ряда, придерживая рукою щеку, как человек, у которого внезапно разболелся зуб.

Во втором действии, когда Эдвин и Сильва, обнявшись, начали свой знаменитый дуэт, в котором, как известно, выясняется актуальный вопрос: «помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?» – таковое в действительности улыбнулось мне, потому что в этот момент в проходе, у которого мы сидели, неслышно появился Яша Саксаганский и, горячо дыша мне в ухо, прошептал:

– Сдается что в шестом ряду сидит Янаки... Правда, есть одно несоответствие с данными словесного портрета, но во всем прочем подходит... Если выяснится, что это не Янаки, – завтра подам рапорт об увольнении из МУРа... В антракте я вам покажу этого человека...

Я тут же передал Осипову слова Саксаганского. Ни на мгновение не меняясь в лице и продолжая покачивать головой в такт музыке с видом меломана, Осипов тихо ответил:

– Скорее всего Саксаганский горячится. А впрочем, все может быть... В антракте проверим...

В антракте Осипов взял меня под руку, и мы стали медленно кружить по ярко освещенным дорожкам сада среди нарядной, оживленной публики. Это была специфическая публика московского «Аквариума» тех лет. Мимо нас плыли пышные красавицы в летних мантиях с песцовыми и собольими накидками. На их матовых, густо напудренных лицах призывно мерцали подведенные глаза и пылали неистово накрашенные губы. Краснолицые бакалейщики и рыбники с Зацепы чинно вели под руки своих грудастых, круглолицых жен в шелковых цветастых персидских шалях, длинная бахрома которых со свистом подметала дорожки. Пожилые, солидные мануфактуристы с Никольской и Петровки поблескивали модными пенсне и золотыми зубами. Молодые пажоны в коротеньких узеньких брючках и кургузых, по тогдашней моде, клетчатых пиджачках стаями гонялись за манерными девицами, стриженными под мальчишек, с вызывающими челками на узеньких лобиках.

И вдруг я увидел жгучего брюнета, медленно шагавшего рядом с роскошной блондинкой в белом мантии с голубым песком, небрежно переброшенным через руку, лицо его показалось мне

чем-то знакомым, хотя я мог дать голову на отсечение, что никогда раньше не встречал этого человека.

Я поглядел на крашенные волосы его дамы, отличавшиеся тем мертвым оттенком, который дает применение пергидроля, и вдруг понял, чем мне знакомо лицо этого жгучего брюнета: его мясистый горбатый нос, низкий скошенный лоб, густые сросшиеся брови, раздвоенный тупой подбородок, красные треугольные уши – все это были элементы словесного портрета Янаки!..

Заметив, что брюнет курит, я бросился к нему и попросил разрешения прикурить. Он медленно достал спички и зажег одну из них. Я посмотрел на его руки, и сердце у меня забилося – они поросли густым рыжим пухом и были усеяны веснушками. Тогда я поднял глаза на его лицо и увидел зеленоватые запухшие глаза и рыжие ресницы. Да, это был Янаки, но он был перекрашен!..

Отойдя от него, я увидел Яшу Саксаганского, стоявшего вблизи с самым рассеянным видом и таким выражением лица, как будто его вовсе не интересуют ни Янаки, ни летний сад «Аквариум», ни оперетта «Сильва», ни вопрос о том, будет ли он завтра подавать рапорт об увольнении.

Саксаганский подошел ко мне и тихо шепнул:

– Ну, я счастлив, что и вы заметили этого перекрашенного индюка. Или я ишак, или это Янаки!..

Милый, бедный Яша Саксаганский! Через несколько лет он умер от чахотки, и за его гробом, который вынесли из маленькой, скромной холостяцкой комнаты (зная, что у него туберкулез, Яша не считал себя вправе жениться), шли в искреннем горе его товарищи по работе, нежно любившие этого храброго, чистого, доброго и горячего человека, беззаветно служившего их общему и такому нелегкому делу и любившего его до последнего своего вздоха...

Еще раз поглядев на «черное издание» Янаки, я шепнул Осипову, что, по-моему, Саксаганский прав. Я обратил внимание и на то, что черные волосы Янаки имеют какой-то странный фиолетовый оттенок.

– Возможно, – с напускным равнодушием протянул Осипов и еще крепче взял меня под руку. – Очень возможно, что этот прохвост перекрасил волосы и потому так нахально держится. Но это еще надо проверить, потому что лавры начальника Детскосельского отделения мне ни к чему. Но если это действительно Янаки и если мы его «накололи» в первый же вечер, то я начинаю верить в загробную жизнь и в то, что старики Бертильон и Рейс сговорились на том свете помочь нам поймать Янаки, чтоб он не издевался над их словесным портретом.

После третьего звонка я и Осипов уже не сидели на своих местах, а стояли у стены, недалеко от шестого ряда, где находился этот подозрительный брюнет. Перед этим Осипов сходил за кулисы и, вернувшись оттуда с очень довольным лицом, таинственно прошептал, что сейчас будет произведен «забавный психологический эксперимент».

Оказалось, что мой хитроумный приятель решил произвести эту проверку при помощи той же оперетты «Сильва», как это ни покажется странным на первый взгляд. Зная, что в оперетте допускаются всякого рода актерские отсебятины, Осипов уговорил актеров в той сцене, где, к ужасу отца Эдвина, выясняется, что мадам Волапюк была в молодости певицей варьете и ее называли «Соловей», добавить, что она, кроме того, была дочерью мебельного торговца Янаки.

Публика, конечно, не обратила на эту подробность никакого внимания, но жгучий брюнет, сидевший в шестом ряду, нервно вздрогнул и, видимо решив, что это ему померещилось, наклонился к своей даме, явно спрашивая ее, какую фамилию произнесли на сцене.

– Он! – со вздохом облегчения шепнул мне Осипов. – Золото этот Яша Саксаганский... И ты молодец – хорошо разработал словесный портрет Янаки. Пошли, дружище, мы будем его приветствовать у выхода...

И через час задержанный нами Янаки уже находился в кабинете Осипова и не мог прийти в себя от удивления, что его все-таки поймали благодаря словесному портрету и несмотря на то, что он перекрасил себе волосы.

– Ну, Янаки, – спросил его Осипов, – надеюсь, теперь вам ясно, что профессор Рейс был гораздо умнее вас и что жулики не должны плевать на такую великую науку, как криминалистика?

– Гражданин инспектор, – уныло ответил Янаки, – к несчастью, я это понял слишком поздно. Мое письмо было выходкой нахала, и я прошу занести это в протокол. Еще в детстве покойный папаша мне говорил: «Христофор, ты не уважаешь науку, и это не кончится добром». Объясните мне, гражданин инспектор, как мог родиться у такого мудрого отца такой глупый сын, и как мог у такого идиота, как я, быть такой отец? Где же законы наследственности, я вас спрашиваю, как

объясняют такие странные явления природы криминалистика и глубоко отныне мною уважаемый профессор Рейс?

– Я готов вернуться к этим законным вопросам, – ответил Осипов, – но после того как вы, Янаки, отбудете наказание за свои преступления и за свое нахальство. А теперь, выражаясь вашим стилем, адью!..

Так был реабилитирован словесный портрет Бертильона и Рейса.